

Глава 32: Дикий брат

После ухода всех жителей деревни, дедушка Цай попрощался с рабочими, после чего усадил Лу Жуна на заднее сиденье внедорожника. Сяо Гао поспешно подбежал и тихо лег у его ног.

Бах-бах-бах, кто-то постучал в окно машины, Лу Жун выглянул и обнаружил, что это мастер Хун.

Водитель опустил стекло машины, и служитель Хун помахал Лу Жуну: "Маленький мальчик, в будущем приди в мой храм со своим гэгэ, чтобы поставить благовония."

Лу Жун, поспешно взглянув на деда Цая, отвернулся и притворился, что не знает кто это.

Дедушка Цай попрощался с мастером Хуном: "Мастер, не хотите спуститься к подножию горы? Все в деревне уже ушли."

"Нет, с моим храмом все в порядке, он по-прежнему является культурной реликвией. Я должен хорошо его охранять," — сказал служитель Хун с улыбкой.

Машина медленно тронулась, мастер Хун остался позади, Лу Жун, вытянув голову, увидел, что тот все еще стоит там, машет ему рукой и улыбается.

Испугавшись, он быстро забрался в машину.

Несколько мгновений спустя он тайком повернул голову и увидел мастера Хуна, держащего и прижимающего курицу к земле, подол халата был вымазан в грязи.

Проезжая то место, откуда была видна деревня, он вдруг прислонился к окну машины и, не мигая, уставился на разрушенную стену.

Он увидел старое баньяновое дерево у себя во дворе. Хотя все листья опали, а ствол поцарапан от сломанных веток, оно все еще стояло вертикально среди обломков.

Одинокий, молчаливый и упрямый.

Он видел там много солдат, они, покрытые грязью, несли такие же грязные обломки в сторону. Он также увидел груду вещей, сваленную на обочину дороги, два белых предмета напоминали телевизионные антенны с крыш.

Кроме того, больше нельзя было увидеть, как выглядела деревня раньше.

Земляные стены, увитые зелеными виноградными лозами, высокая пшеница и стога сена, одежда на вешалке для одежды и сливовое вино на балках дома — все, казалось, превратилось в грязь и утонуло под обломками вместе с прожитыми годами.

Лу Жун вдруг погрузился, поджал губы, не сказав ни слова.

Дедушка Цай тоже посмотрел туда, через некоторое время говоря: "Жун-Жун."

"Да."

Дед Цай коснулся его головы: "У нас в городе есть небольшой дворик. Если мы посадим саженец сейчас, то через несколько лет он вырастет, мы все равно будем есть под деревом."

Лу Жун вытер слезы рукавом: "В городе есть сливовое вино?"

"Да, дедушка приготовит его для тебя, на вкус он точно такой же, как тот, что был на балке нашего дома."

"Но можем ли мы по-прежнему ездить на свиньях?"

Дедушка Цай сказал: "Не думай больше о езде на свиньях. Эти свиньи не такие толстые, их кормят по-другому."

Лу Жун повернулся, спрятал лицо в объятиях деда Цая и сердито спросил: "Могу я забрать телефон из деревенского комитета? Я боюсь, что мой гэгэ не сможет найти меня."

Дедушка Цай, немного помолчав, сказал: "Возможно, этот телефон был разбит, даже если он в порядке, его невозможно найти."

Лу Жун ничего не сказал со слезами на глазах.

Дедушка Цай нежно похлопал его по спине и сказал: "В городе есть много забавных вещей. Все лучше, чем кататься верхом на свинье. Дедушка отвезет тебя, чтобы ты вдоволь повеселился. Появятся новые одноклассники и братья."

"Я не хочу нового брата, я хочу этого," — Лу Жун, подняв голову, проговорил.

Дедушка Цай вытер слезы со его ресниц: "Хорошо, будет только один брат. Мой Жун-Жун многострадален и старомоден."

Быстро выехав на бездорожье, дед Цай попросил водителя ехать не в деревню Юлу, а просто в

город Лунцюань под горой, сказав, что в городе у него есть дом.

“Ты больше не собираешься в деревню Юлу? Там были подготовлены дома для переселения, а также предметы первой необходимости, такие как постельные принадлежности и одежда. Более того, деревня Юлу находится рядом с городом Юлу, который больше города Лунцюань,” — любезно напомнил водитель.

Дед Цай ласково улыбнулся и сказал: “Нет, нет, мой дом очень хорош, так что оставь тот дом другим.”

Лу Жун оперся на дедушку, прислушиваясь к разговору между ними. Сердцем он чувствовал, что дедушка на самом деле не хотел покинуть гору Лунцюань. Город находился у подножия горы, так что было нетрудно вернуться в деревню.

Водитель больше ничего не сказал, проследовав по маршруту, указанному Цаем, медленно съехал с главной улицы города, свернул на заросшую травой развилку и через две-три минуты остановился перед небольшим двориком.

Стена этого маленького дворика отличалась от земляной стены в деревне: она была сделана из цемента, выглядя достаточно прочно. Здесь была большая железная дверь, выкрашенная коричнево-красной краской, и несколько плоских каменных ступеней.

Недалеко протекала небольшая речка, вода журчала, окружающий воздух прохладный и свежий.

“Дядя, неудивительно, что ты не поехал в деревню Юлу. Этот дом намного лучше, чем дом для переселенцев,” — водитель выглянул из окна машины и искренне вздохнул.

Дедушка Цай объяснил: “Мой ребенок уже взрослый, рано или поздно ему придется переехать в город, чтобы пойти в среднюю школу. Семья переехала в округ в прошлом году. Когда я услышал эту новость, купил дом, чтобы ребенку было удобно в будущем ходить в среднюю школу.”

“Дальновидно, дядя, ты действительно дальновидный,” — искренне сказал водитель.

После того, как внедорожник уехал, дед Цай снял ключ, висевший на поясе брюк, и открыл дверь во внутренний двор. Лу Жун последовал за ним, оглядываясь, со своей школьной сумкой на спине. Сяо Гао, поджав хвост, нервно прижимался к нему.

Небольшой дворик очень пустой, но чистый. Стены верхнего и нижнего этажей здания выкрашены в белый цвет.

Дедушка Цай огляделся и вздохнул: “Жун-Жун, это наш дом.”

Продавец не забрал мебель, необходимо было купить только вещи первой необходимости и постельные принадлежности. Дедушка Цай взял у Лу Жуна сверток с деньгами и мелочь, уйдя со двора, чтобы купить необходимые вещи. Лу Жун сидел на ступеньках с Сяо Гао.

Сяо Гао неподвижно прижался к нему, его нос обнюхивал все вокруг. Лу Жун коснулся его головы и сказал: "Тебе нравится твой новый дом?"

Сяо Гао не ответил. Лу Жун посмотрел на реку недалеко и дым чуть дальше, затем повернулся, посмотрел на клумбу, сложенную из кирпичей во дворе, говоря сам с собой: "Мне очень нравится."

В течение следующих двух дней дедушка Цай и Лу Жун наводили порядок в доме. После того, как они какое-то время убрались, вдруг вспомнили, что у них ничего нет, поэтому, взяв мелочь, поспешили на улицу за покупками.

"Здесь действительно гораздо удобнее, чем в деревне, можно купить все," — дедушка Цай шел домой с аппетитной свежей рыбой в руке, вздыхая.

Лу Жун любит рыбу, но где в деревне можно найти продающуюся рыбу? Иногда на ужин кто-то ловил в реке мелкую рыбешку и креветок. Когда дед Цай встречал их, он тратил деньги на покупку морепродуктов, и готовил миску рыбного супа, утоляющего жажду.

Теперь, когда внук и дедушка переехали в город, Цай будет покупать рыбу в специализированном рыбном магазине и готовить до тех пор, пока Лу Жуну не надоест ее есть.

Когда все было почти готово, дед Цай взял аттестат и отправился в городскую начальную школу, проходя процедуру перевода Лу Жуна.

Глубокой ночью Лу Жун лежал в своей собственной спальне, глядя на луну из окна рядом с кроватью.

То же спокойствие, та же мягкость, все, кажется, тем же.

Лунный свет окутывал весь город легкой пеленой, улица была пуста, только в некоторых окнах с обеих сторон еще горел свет.

Белый олененок спокойно прошел по длинной улице, его копыта слегка поднимались и опускались, не издавая ни звука при соприкосновении с землей.

Желтая собака вдвое крупнее его последовала за ним, олененок остановился и, дважды фыркнув, как бы говоря: "Не следуй за мной, вернись."

Большая желтая собака могла только идти назад в оцепенении.

Три шага назад.

Олененок был жестокосердечен и непоколебим, продолжая идти, пока не вышел со двора.

Лу Жун бежал, стуча копытами, по дороге в деревню Лунцюань, вдыхая чистый воздух и ощущая горный ветер в ушах.

Он не всегда бежал по главной дороге, иногда срезая путь через лес.

Ночные птицы в лесу проснулись, защебетали и взмыли в небо, а встревоженные зайцы подпрыгивали в гущу растительности.

Он долго бежал, ему было немного жарко, все его тело покрылось капельками пота, а белый мех блестел в лунном свете, как тонкий атлас. Черный нос с хрипом выдыхал белый пар.

Веселая пробежка также очень приятна, время от времени можно срывать ртом гроздь самых нежных зеленых листьев, жуя их, наслаждаясь ароматом.

Ночью на извилистой дороге никого не было, только белый олененок, быстро-быстро бегущий в лунном свете.

Наконец он пробежал перевал и миновал несколько рисовых полей. Повернув сюда, можно увидеть деревню. Обычно, когда занятия в школе заканчивались, Сяо Гао всегда сидел там, влияя хвостом, и бросался к нему, когда видел его фигуру.

Но когда он повернул, перед ним предстала уже не та деревня, с которой он был знаком.

Постояв некоторое время на месте, Лу Жун последовал за своими воспоминаниями к ряду домов деревенского комитета.

Домов больше не было, солдаты уже убрали крупные предметы за несколько дней, оставив на земле только битые кирпичи и черепицу.

Он легко спрыгнул на щебень, начиная вспахивать его четырьмя копытами...

Вокруг было тихо, только песок и гравий продолжали шуршать, когда их вспахивали. Лу Жун двигался очень быстро, ему не потребовалось много времени, чтобы вытащить множество мелких предметов и убрать их в сторонку.

Там были помятый чайник, уплотнитель, маленькая лопатка для укладки брикетов и пожарный ключ.

Белый олененок превратился в грязного олененка, все его тело было грязным и черным. Но его это совершенно не волновало, он просто зарылся головой в обломки, продолжая копаться.

Внезапно вместе с битым кирпичом оказался длинный предмет, сложенный пополам, открытая часть была полукруглой, вся в иле.

Его сердце подпрыгнуло, он остановил копание, затем вытянул переднее копыто и осторожно подцепил предмет.

Конечно же, это был стационарный телефон.

Удивившись, Лу Жун почувствовал радость, на его мохнатом грязном лице играла улыбка, изо рта шел белый пар.

Он продолжил терпеливо выкапывать телефонный шнур, наконец, вся стационарная линия была выкопана из земли.

Олененок сел ягодицами на щебень, передними копытцами стер грязь с телефона, обнажив молочно-белую телефонную трубку, после чего завернул его в найденный фартук, держа его, как младенца.

Небо напоминало рыбе брюхо, солнце вот-вот должно было выглянуть.

Большой желтый пес, лежавший у входа во двор, вдруг наострил уши и внимательно прислушался, высунув голову из приоткрытой двери.

Вдалеке бежал потерявший первоначальный цвет олененок, на его шее висел небольшой сверток. Четыре копыта были немного кривыми, поэтому он не шел так уверенно. Было видно, что он устал, но его круглые глаза сияли от удовольствия.

"Гав-гав," — большая желтая собака дважды радостно залаяла.

Олененок быстро поднял переднее копыто, чтобы закрыть его рот: "Тссс."

Лу Жун головой приоткрыл дверь во внутренний двор, снова закрыв ее, с легкостью вернулся в свою комнату. Он снял свой багаж и спрятал его под кровать, превратившись в грязного маленького мальчика, на цыпочках он пошел в ванную, чтобы помыться.

После мытья он достал принесенный багаж и открыл его, достав находящийся внутри телефон, протер пятна грязи на нем влажной тряпкой.

Он очень тщательно протирал его, маленькие дырочки в микрофоне тоже были выдолблены одно за другим иголкой, пока телефон не стал чистым, как новенький. Довольный он положил его под подушку.

Подумав, он спрятал его в наволочке подушки.

Откинувшись на кровать, он время от времени откидывал наволочку с подушки, чтобы посмотреть и потрогать его руками.

Теперь он не боялся, что его гэгэ позвонит, но ему никто не ответит. Он был прямо рядом с телефоном и могу ответить в любое время.

Он также может долго-долго разговаривать со своим гэгэ, больше не боясь, что другие будут его торопить.

Лу Жун зевнул, размышляя, повернулся на другой бок и удовлетворенно закрыл глаза.

Столица.

"Шэнь Цзицзе, я уже в третий раз прошу тебя выйти и поесть," — матушка Шэнь протянула руку, постучала в дверь и спокойно сказала.

Шэнь Цзицзе лежал на кровати, натянув одеяло на лицо.

"Положи еду в холодильник," — нравится ему это или нет, но мать Шэнь обернулась и сказала отцу Шэню, стоявшему в дверях кухни.

Отец Шэнь, у которого на талии был повязан фартук, был немного смущен: "Люди — железо, а рис — сталь, он такой молодой, если он не будет есть..."

"Так молод, что уже знает, как пойти против своих родителей?" — Матушка Шэнь перебила его: "Какой ребенок будет таким же упрямым, не желая ехать за границу?"

"Ребенок будет скучать по своим одноклассникам и учителям. Такова природа человека. Мы должны разговаривать с ним медленно."

Матушка Шэнь повернулась и пошла в свою спальню: "Я должна поторопиться и собрать вещи, выбрав, что выбросить, а что отправить. У меня нет времени разговаривать с ним. Ты можешь

поговорить с ним сам."

Шэнь Цзицзе, прислушиваясь к голосу снаружи, нетерпеливо повернулся.

Через некоторое время дверь хлопнула, поняв, что его родители вышли за дверь, он встал, вышел из спальни и подошел к журнальному столику в гостиной, чтобы позвонить.

Набрав последовательность цифр, хорошо запомнившуюся, он взял трубку и спокойно ждал, но, к сожалению, после семи или восьми секунд соединения в его ухе все еще раздавался звуковой сигнал.

Шэнь Цзицзе повесил трубку и рухнул на диван, откинув конечности.

Солнце светило в окно, отбрасывая слой блеска на его лицо сбоку и обрисовывая идеальные черты лица молодого человека. Но он хмурился, на его лице отражалось раздражение.

Через некоторое время он внезапно перевернулся и снова сел, взяв трубку и позвонив.

"Сяо Юн, это я... все кончено. Я должен поехать за границу... Я определенно не хочу ехать. Я объявляю голодовку... Я хочу пойти с тобой в городскую среднюю школу № 1, но Ван Цзыцю и Шэнь Цзе уже согласились на приглашение из иностранного университета, они уволились со своей работы здесь... Они определенно не позволят мне остаться одному. Я все еще ребенок... Хватит смеяться, я страдаю..."

После того, как Сяо Юн закончил смеяться на этом конце, он сказал: "Забудь об этом, Цзе, ты не можешь бороться с ними. Горы не поворачиваются вспять, вода не поворачивается вспять, братья всегда могут воссоединиться."

"Но, возможно, я не смогу вернуться во время зимних каникул, а я должен. Кое-кто ждет меня. Я должен увидеть его, это мужская обязанность," — Шэнь Цзицзе раздраженно почесал себя за ухом.

"Тебе не обязательно возвращаться, я знаю, что ты любишь меня всем сердцем," — Сяо Юн был немного тронут, услышав эти слова.

"Не ради тебя, ради моего диди."

Сяо Юн внезапно расстроился и сказал: "Ты каждый день говоришь о своем диком брате, тогда как насчет меня? На прошлой неделе я помог тебе подраться с Чэнь Чуном, а вчера угостил мороженым, пять юаней, а не три юаня, как с яичным рулетом."

Шэнь Цзицзе вяло сказал: "Разве я не часто приглашал тебя раньше? Ты потерял новую

коробку с канцелярскими принадлежностями в прошлом семестре. Я боялся, что твоя мать побьет тебя, поэтому купил тебе такую же коробку за тридцать пять юаней."

Сяо Юн сказал: "Разве ты не мужчина? Почему тебя это так волнует?"

"А ты мужчина, когда считаешь пять юаней за одну порцию мороженого? Кроме того, это мой самый близкий брат, а не дикий."

"Тсс, тсс, тсс, тебя точно твоя мать родила тебя?"

"Мне все равно, даже если меня родил принц Осень."

Они оба одновременно повесили трубки, не сказав больше ни слова.

Шэнь Цзицзе сидел на диване с недовольным выражением лица, вспоминая, что он поссорился с Сяо Юном и забыл поговорить о главном.

Последние два дня он звонил Лу Жуну, чтобы поговорить о поездке за границу, но не мог до него дозвониться.

Спросив дядю, тот сказал, что проект на горе Лунцюань завершен, поэтому он уехал в другой город. Он не знает, почему на звонок в деревне Лунцюань никто не отвечал. Может быть просто проблема с линией. Через несколько дней все будет в порядке.

Но через несколько дней он уезжал за границу.

Он чувствовал, что расстояние между чужой страной и древней Лунцюань подобны расстоянию между Луной и Землей, он не знал, как с ним связаться там.

Если бы он долго не мог связаться с Лу Жуну, он бы плакал, начиная его искать.

В конце концов, для кого это было бы не ударом, когда твой муж внезапно исчезает.

Он даже мог себе представить, как Лу Жуну внезапно появляется ночью, скорбя и напевая песню о том, как он ждал прихода мужа под абрикосовым деревом.

В его больших глазах блестели слезы, его черные зрачки были пропитаны ими.

Думать об этом было грустно.

Шэнь Цзицзе быстро справился со своими эмоциями и снова взял телефон.

“Добрый брат, это я... Мужчина с большим сердцем... У меня есть набор карточек, я отдам его тебе. Да, учитель забрал их у всего класса, но мой набор был спрятан и не найден. Он не распечатан... Но ты должен мне помочь с одним делом.”

“Добрый брат, если ты хочешь, чтобы я тебе чем-нибудь помог, просто скажи об этом. Пока я могу это делать, я сделаю все, что потребуется,” — Сяо Юн похлопал себя по груди и сказал.

Шэнь Цзицзе обдуманно сказал: “Я сообщу тебе номер телефона, ты его запомни, когда я уеду, позвони по этому номеру и найди Лу Жуна, да, Лу Жуна, Жун-Жуна. Расскажи ему о моем отъезде за границу, скажи, чтобы он не волновался, я вернусь домой и найду его после зимних каникул.”

“Ради своего дикого брата, ты отдаешь мне нераспечатанный набор карточек?” — кисло сказал Сяо Юн.

“Ты не понимаешь...” — Шэнь Цзицзе закрыл глаза и тихо сказал: “У меня есть скрытые чувства. Ты, будучи подростком, не понимаешь боли, которая скрыта в моем сердце.”

В конце концов Шэнь Цзицзе не справился и неделю спустя в сопровождении родителей сел на самолет, летевший в страну Х.

Глядя на город, который постепенно исчезал у него под ногами, он подумал: “Даже если я украдет документы, не смогу повидаться с Лу Жуном во время зимних каникул.”

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326861>